

Видя, что он молчит, Ян Луцин снова начала шутить:

— А... что не так?... Ты планируешь убить меня, отравив?

Гу Ци всё ещё слабо смотрел на неё, так спокойно, как будто тот, кто только что прижал её к полу, чтобы она выплюнула лекарство, был не он.

Он приподнял уголки губ, и на его лице появилась слабая улыбка.

— Тогда, как ты думаешь, почему я позволил тебе выплюнуть их?

Ян Луцин не ответила на этот риторический вопрос.

Она сказала нечто совершенно не относящееся к настоящему времени:

— Возможно, я не кажусь умным и проницательным человеком, но с тех пор, как я выросла и стала более разумной, я никогда не недооценивала людей.

Гу Ци слегка приподнял брови:

— И что?

— Ты хочешь поспорить со мной?

— На что ставим?

Когда Ян Луцин думала о том первом дне, когда она попала сюда, даже когда она была добра к нему, она была осторожна и напугана, делая это. Сколько времени прошло с тех пор, как она на самом деле разговаривала с Гу Ци в такой провокационной манере?

Можно ли это также рассматривать как «провоцирование местного тирана в его логове»?

— Я буду использовать «Большого Чёрного» и «Маленького Чёрного» в качестве ставки с тобой.

Ян Луцин посмотрела на всё более ошеломляющее лицо местного тирана под светом и на его всё более оживающие глаза.

— Поспорим... Что то, что ты даёшь мне съесть, а потом даёшь мне выплюнуть, – это лекарство, которое не оказывает на меня никакого действия, приму я его или нет.

Слова оборвались, и в углу ванной воцарилось долгое молчание.

Было неизвестно, потерял ли он дар речи от первой половины этого предложения или нет, но примерно через полминуты на лице Гу Ци, наконец, появилось небольшое выражение – едва различимая резкость растаяла и смягчилась, точно так же, как солнечное небо после снега.

Он вернулся к своему обычному облику.

С лёгкой улыбкой Гу Ци открыл дверь рядом с ним, и слова, которые он произнёс, были из тех загадочных вещей, в которых он был хорош:

— Эти два человека, тебе лучше позаботиться о них самой.

Он не ответил, будет играть или нет, и Гу Ци оставался невозмутимым, как бы Ян Луцин ни дразнила его потом.

Он взял её за руку одной рукой и повёл вверх, что можно рассматривать как «отправку» её к двери комнаты.

Когда Гу Ци повернулся, чтобы уйти, Ян Луцин вдруг не удержалась и позвала его.

— Гу Ци.

Он остановился и искоса посмотрел на неё.

Рука Ян Луцин держалась за дверной косяк, и на её лице больше не было игривого выражения.

— Ты можешь в это не верить, или это может показаться странным, но...

Она сделала глубокий вдох и снова выдохнула, как будто долгое время была подавлена:

— Но я всё равно хочу это сказать.

Глаза Ян Луцин влажные и водянистые, и когда она смотрит на людей серьёзно, это всегда вызывает у людей ощущение, как будто через эти глаза можно увидеть чрезвычайно подвижную душу, которая не подавлена этим телом.

Гу Ци увидел, что она очень серьёзно смотрит на него, и произнёс слово за словом:

— Если я даже не смогу поверить в тебя, тогда моя нынешняя жизнь действительно бессмысленна.

Сказав это, она снова рассмеялась.

— Гу Ци, спокойной ночи.

Рано утром следующего дня.

Ян Луцин проснулась от механического женского голоса, который, казалось, взывал к её душе.

— Мария, Мария, Мария вставай... Мария, данные показывают, что через полчаса ты пропустишь лучшее время приёма пищи после того, как выпивала прошлым днём, и с вероятностью девяносто процентов у тебя сегодня будут проблемы с желудком...

Ян Луцин была так раздражена, что сразу же села и сказала роботу:

— Если бы не кодовое имя Мария, которое напомнило мне быть доброй, ты бы сейчас была просто кучей железного лома, ты это знаешь?

Хотя это раздражает, это правда. Ян Луцин сейчас страдает не только от головной боли, но и от боли в животе.

Её прежнее здоровое тело никогда не страдало от такого греха после того, как раньше употребляло так мало алкоголя. Жалуясь, Ян Луцин держалась за голову, чтобы встать с кровати. Вымыв посуду, она быстро попросила людей принести питательный отвар для желудка и отрезвляющий суп.

Она была в трансе, пока пила отвар и суп, и события прошлой ночи возникали перед ней сцена за сценой.

В последней сцене, перед дверью комнаты, когда она лично сказала Гу Ци о чём-то бессмысленном, она, наконец, не выдержала и бросила ложку прямо в миску...

Чёрт возьми.

Почему пьяные женщины такие сентиментальные?

Почему?! Эти слова были сказаны так, как будто она признавалась ему, а-а-а-а!

Ян Луцин чувствует себя так, словно вот-вот умрёт от смущения.

Без того, чтобы Гу Ци выкопал её, она уже лично откопала Терракотовую статую Воинов мавзолея Цинь Шихуан, а также Замок Мечты Барби своими пальцами ног.

<http://tl.rulate.ru/book/56049/2338907>